

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-25

УДК 323.2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

Мамина Н.А.

В статье рассматриваются теоретические аспекты изучения феномена политических традиций. В современной литературе признается влияние традиционных компонентов политической культуры на текущие политические процессы, однако политические традиции редко становятся самостоятельным предметом научного исследования, что обуславливает неопределенность их толкования и необходимость системного осмысления.

Автор осуществляет анализ существующих трактовок понятия «традиция», на основе которого формулирует определение «политических традиций» как (1) формы фиксации значимого содержания социально-политического опыта нации и как (2) механизма политико-культурной преемственности.

В структуре политических традиций автор выделяет ментальный, поведенческий и институциональный уровни. Ментальный уровень составляют политические символы, мифы и стереотипы, формирующие определенный образ политической реальности и власти, а также ценности и нормы, влияющие на мотивацию политического поведения. Поведенческий уровень включает в себя модели поведения и образцы действий, в том числе политические обычаи и ритуалы. Институциональный уровень отражает исторические особенности взаимодействия ветвей власти и отношений между государством и обществом.

Автор обращает внимание на влияние, которое структурные элементы политических традиций оказывают на политическое сознание и поведение индивидов и социальных групп.

Ключевые слова: политические традиции, символ, политический миф, стереотип, ценности и нормы.

POLITICAL TRADITIONS: THE CONCEPT AND STRUCTURE

Mamina N.A.

The article refers to the theoretical aspects of the study of the political traditions phenomenon. The influence of traditional components of the political culture on the current political process is recognized in contemporary literature, but political traditions rarely become the original subject of a scientific research, which explains the vagueness of their interpretation and the need of their system understanding.

The author analyzes existing interpretations of the concept "tradition", on which formulates the definition of "political traditions" as (1) a form of fixation for meaningful content of the nation's socio-political experience and as (2) a mechanism of political-cultural continuity.

The author identifies mental, behavioral and institutional levels in the structure of political traditions. Mental level consists of political symbols, myths and stereotypes, which form the image of political reality and authority, and values and norms, which affect the motivation of political behavior. Behavioral level includes models of behavior and patterns of action, such as political habits and rituals. Institutional level reflects historical features of interaction between branches of power and relations between the state and society.

The author pays attention to the influence of structural elements of political traditions on the political consciousness and behavior of individuals and social groups.

Keywords: political traditions, symbol, political myth, stereotype, values and norms.

Особенности исторического развития, закрепленные в социально-политическом опыте нации, оказывают значимое влияние на текущие политические процессы, которые невозможно объяснить, учитывая только современное состояние политических институтов и соотношение политических сил. Политические традиции, в которых кристаллизуются наиболее устойчивые элементы исторического опыта, воздействуют на выработку норм и ценностей массового сознания и мотивации политического поведения, тем самым выступая важным фактором функционирования и развития всей политической системы.

В современной политической науке признается то влияние, которое политические традиции оказывают на текущие политические процессы, но методологическая разработанность самого понятия «политические традиции», его содержательных и функциональных сторон не в полной мере соответствует частоте его употребления в научной и публицистической литературе. Приходится констатировать, что политические традиции редко становятся самостоятельным предметом научного осмысления. Чаще указанная проблематика разрабатывается в контексте более общих вопросов политической науки, главным образом, в исследованиях политической культуры. Это приводит к значительной неопределенности в толковании политических традиций, поэтому их теоретический анализ требует привлечения источников по проблематике социокультурных традиций в целом.

К понятию «традиция» обращаются представители различных гуманитарных дисциплин, поэтому самые разные проявления зависимости современности от прошлого считаются традициями - от сложившихся привычек до типов общественных устройств. Следовательно, само понятие не поддается однозначной интерпретации в силу своей сложности и многогранности. Этимологически понятие «традиция» происходит от латинского *traditio* – «передача». Хотя сам факт передачи традициями определенной общественно значимой информации не отрицается ни одним из исследователей, акцент в его

интерпретации может ставиться по-разному: на передаваемом содержании или на процессе передачи. Это позволяет выделить два основных подхода к определению традиций – объектный и функциональный.

К *объектному подходу* относятся определения, в которых на первый план выносятся содержательная сторона традиции и составляющие ее элементы. Так, Э.С. Маркарян понимает традицию как «выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт» [6, с.154], а у С.С. Судакова она трактуется как «закрепившаяся в обществе норма, установка, задающая определенную программу поведения и предписывающая определенный образец действий» [8, с.10]. В определениях, относящихся к *функциональному подходу*, основное внимание фокусируется на значении традиции как трансмиссии – передаче чего-либо от поколения к поколению. Примером может послужить определение Дж. Гулда и В. Колба: «Традиция в точном значении – термин нейтральный, используется для обозначения «трансмиссии», посредством которой способы поведения, оценок и верования передаются из поколения к поколению и таким образом закрепляются» [10, с.284]. Э. Гидденс также описывает традицию как «средство взаимодействия с пространством и временем, обеспечивающее преемственность прошлого, настоящего и будущего любой деятельности или опыта» [8, с.45], т.е. как универсальный механизм преемственности.

Одно из наиболее полных определений, существующих в современной литературе, было сформулировано Ш. Эйзенштадтом. Традиция, в его понимании, это «застывшая символизация моделей социального строя и совокупности кодов, которые очерчивают пределы ограничивающего культурного порядка, пределы участия в нем, предписывают «адекватный» выбор целей и образцов поведения; традиция может также рассматриваться как модусы оценки, а также санкционирования и легитимации всей целостности культурного и социального порядка или любой из его частей» [12, р.139]. Ш. Эйзенштадту удалось не только отразить в определении основные черты

традиций – устойчивость, символический характер, значимость на уровне общественной организации и поведения индивида, но и выделить целый ряд выполняемых ими функций – регулятивную, интегрирующую, нормативную, а также функции легитимации социальной организации и социализации индивида.

На основе анализа изложенных выше определений нам представляется продуктивным для дальнейшего исследования сформулировать *интегральную* трактовку понятия «политические традиции» - это (1) *форма* фиксации исторически формирующегося и передающегося от поколения к поколению значимого содержания социально-политического опыта, а также (2) *механизм* политико-культурной преемственности, включающий в себя сохранение, передачу и воспроизводство устойчивых и повторяющихся элементов этого опыта в новых условиях. Такое определение позволяет отразить как содержательную сторону политических традиций, так и их функциональное значение как элемента политической культуры. Для понимания традиций как целостного феномена значение имеет не только то, что передается, т.е. объекты наследования, но и процессы функционирования наследия в новых социально-политических условиях. Тем самым предложенное определение отражает сущность и функции традиций в политике.

С содержательной точки зрения, политические традиции представляют собой сложную систему, включающую различные компоненты и имеющую определенную структуру. О.А. Осипова отмечает, что «как и в культуре, в традиции – ее составной части – аналитически можно выделить открытую сторону, т.е. наглядную сторону деятельности, доступную для визуального наблюдения, и скрытую, недоступную для непосредственного наблюдения сторону» [7, с.50]. Следуя за этой линией рассуждений, в системе политических традиций также можно выделить два структурных уровня. Во-первых, это внутренний *ментальный* уровень, связанный с сознанием и подсознанием, к которому относятся политические символы, мифы, стереотипы, ценности и

нормы. Во-вторых, в структуру политических традиций входит внешний *поведенческий* уровень, отражающий особенности взаимодействия политических субъектов между собой и с политической системой. На этом уровне традиции включают в себя определенные модели поведения и образцы действий, в том числе такие их специфические проявления, как обычай и ритуал. Кроме того, в структуре политических традиций можно выделить третий уровень - *институциональный*. Во многом он является производным ментального и поведенческого уровней, однако можно говорить о существовании особых традиций взаимодействия ветвей власти, а также государства и общества.

В основании политических традиций лежат *архетипы* – самые общие и универсальные первообразы, связанные с «коллективным бессознательным», которое выступает отражением опыта прежних поколений в структуре психики. Заметим, что архетип – это некая форма, «пустой формальный элемент», поэтому его неверно отождествлять с какими-то конкретными образами и сюжетами. Действие архетипа проявляется в «тенденции формирования этих представлений вокруг одной центральной идеи: представления могут значительно отличаться деталями, но идея, лежащая в их основе, остается неизменной» [3, с.412]. При наполнении архетипа, как чистой формы, политическим содержанием, он конкретизируется в виде политических мифов.

Политический миф – это «архетипическая конструкция, спроецированная в сферу самоорганизации общества или народа» [5, с.75]. В национальной политической мифологии можно выделить следующие составляющие: мифы о власти (о добром царе, о «сильной руке»), мифы о герое-избавителе, мифы о «золотом веке», мифы идентификации (об общем происхождении или связи с определенной территорией), военные мифы и т.д. Дж. Армстронгом было предложено понятие «мифомотор», которое обозначает «конституирующий миф какой-то общности, объясняющий и оправдывающий ее существование» [9, с.40]. Это понятие подчеркивает динамичный и мобилизующий характер

мифа, который используется при необходимости направить коллективное действие политической общности, прежде всего, государства. Дж. Армстронг выделил основные части мифа русской имперской власти: собирание русских земель, сохранение наследия Византии, защита православной веры и ощущение своей избранности и особого предназначения.

Может показаться, что в связи с рационализацией политической жизни политические мифы утрачивают свое значение. Но в действительности социально-политические процессы пронизаны стихийным массовым мифотворчеством, в котором переплетаются элементы традиционных мифов и современности. Согласно Э.Я. Баталову, «современная мифология фиксирует в художественно-образной рационально-иррациональной форме сложившиеся в обществе ориентации в отношении существующей политической системы и ее элементов, политического процесса и его участников, равно как и ориентации данной нации (государства) в отношении других наций и мирового сообщества в целом» [1, с.172]. Эти мифы, содержание которых может касаться отдаленного или недавнего прошлого, накладывают отчетливый отпечаток на национальное политическое сознание.

Неотъемлемой составляющей структуры политических традиций являются *политические символы*, условно выражающие определенные идеи, ценности и идеалы социальной общности. Благодаря национальным политическим символам (прежде всего, это флаг, герб и гимн), являющимся необходимыми атрибутами национально-государственной идентификации, происходит интеграция политической системы и нации в целом. В качестве других символических форм можно рассматривать исторические названия, церемонии, знаки отличия. Символ характеризуется такими свойствами, как многозначность, комплексность связанных с символом ассоциаций и открытость для введения новых смыслов. Любой символ имеет множественную смысловую структуру, «настолько сложную в каждом данном случае,

насколько широко данный символ был исторически задействован в различных смысловых системах» [9, с.35].

Форма выражения символов, обеспечивающая культурную преемственность, скрывает динамичное содержание, которое определяется как историческими фактами, так и характером текущей политической ситуации. Например, в обновленном государственном гимне РФ сохранена мелодия гимна Советского Союза, но изменены слова. Российский герб - двуглавый орел - изначально символизировал преемственность с линией византийских правителей, современное же его изображение восходит к петровской эпохе. Бело-сине-красный триколор исторически был учрежден Петром I как флаг торгового флота, однако в 1991 г. приобрел легитимность как символ новой России [4, с.96]. Тем самым современная российская государственная символика является продолжением не только советского периода истории, но и имперской эпохи.

В структуру политических традиций входят и *политические стереотипы* – разновидность социальных стереотипов, в которых объекты политической реальности предстают схематизированным и упрощенным образом с выраженной эмоциональной составляющей. Стереотип – это простой, а потому легко интернализируемый образ различных общественных процессов, политических явлений, представителей национальных и религиозных групп и т.д. Стереотипизация представлений облегчает их передачу от поколения к поколению, опираясь на готовность человека воспринимать объект или событие с позиции предшествующего опыта. По мнению У. Липпмана, из многообразия явлений действительности «мы выделяем то, что наша культура уже наделила значением для нас, и мы пытаемся воспринять то, что мы выделили из окружающего мира в форме стереотипа, созданного для нас культурой» [3, с.395]. Таким образом, в социально-политическом поведении находит выражение не только аналитическая работа сознания, но и определенная инерция мышления, свойственная как отдельным людям, так и целым

социальным группам, поведение которых может мотивироваться устоявшимися предрассудками, фантазиями, заблуждениями.

Политические символы, мифы и стереотипы конструируют определенный образ политической власти, а также политической реальности в целом. Хотя образы власти могут колебаться в связи с индивидуальными действиями политиков, политическими событиями и изменчивостью массовых настроений, «более глубинные пласты этих образов отличает известная устойчивость, т.к. эти пласты, как правило, неосознаваемые людьми, питаются из резервуара коллективных представлений, уходящих корнями в глубокие традиции национальной политической культуры» [11, с.155]. В массовом сознании существуют не только образы действующей, но и идеальной власти. Эти образы формируются под влиянием существующих в национальной политической культуре эталонных представлений, обладающих высокой степенью согласованности у разных людей. То, какой хотят видеть власть рядовые граждане, влияет на их электоральный выбор, на поддержку между выборами, на диапазон возможностей, который открывается перед властными структурами в ходе исполнения своих функций.

Образы идеальной власти и характеристики, которые в них закладываются, напрямую связаны с политическими ценностями. Ценности представляют собой «устойчивые во времени обобщенные абстрактные стандарты, определяющие, что является правильным и что должно быть свойственно людям того или иного общества» [9, с.57]. Ценности проявляют себя в тех критериях, на основании которых производится положительная или отрицательная оценка явлений политической действительности и которыми индивиды и группы оправдывают и защищают свой поведенческий выбор. Ведущие политические ценности - это свобода, равенство, справедливость, стабильность, порядок и т.д. Именно доминирующие ценности, разделяемые большей частью социума, являются конститутивной основой политической

культуры. Они также выступают идеальными, конечными целями, на которые ориентируется социально-политическое поведение.

Политические ценности в большей степени соотносятся с целеполагающими сторонами деятельности, тогда как *политические нормы* преимущественно связаны со средствами и способами ее осуществления. Специфическая функция нормы – ее регулятивная направленность, определение границ приемлемых, ожидаемых, одобряемых или социально допустимых действий. К политическим нормам относятся: нормы справедливого распределения, которые признаются приемлемыми по отношению к распределению прав и обязанностей, нормы регулирования доступа к власти и ее использования в различных институциональных формах и социальных сферах, нормы доступа к ресурсам и контроля над ними и т.д. Заметим, что традиционные нормы, в отличие от норм права, не являются абсолютно обязательными и субъект действия может их интерпретировать и корректировать в соответствии со сложившимися социально-политическими условиями.

Поведенческий уровень структуры политических традиций является практическим выражением содержания ментального уровня. Политические ценности и нормы влияют на формирование мотивации политических субъектов, находя отражение в определенных моделях поведения и образцах действий. Образцы действий, заложенные в политических традициях, довольно часто выступают в форме конкретных прецедентов, т.к. традиции всегда обращены к истории. Прецедентом может служить соответствующим образом интерпретированное поведение людей предшествующих эпох, признающихся выдающимися личностями, достойными подражания. Эти люди выполняют функцию персонифицированных образцов идей и поступков, служащих примером для новых поколений.

К поведенческому уровню структуры традиций относится *обычай* – привычка к определенному поведению, которая укоренилась в течение

длительного времени и реализуется добровольно и спонтанно. Обычай, согласно М. Веберу, представляет собой «не гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно – то ли просто «не задумываясь», то ли из «удобства» или по каким-либо другим причинам – и вероятного следования которому оно из тех же соображений может ждать от людей того же круга» [2, с.634]. В российской политической культуре обычаем может считаться традиция «патрон-клиентских» взаимодействий, которая имеет неформальный характер, однако оказывает значимое влияние на функционирование политических институтов.

Практическим воплощением символического содержания политических традиций является *ритуал* как особая модель политического действия. Ритуал – это культурно стандартизированный набор действий символического содержания, совершаемых в ситуациях, предписываемых традициями. Примерами политических ритуалов являются коронация монарха или инаугурация президента, парады, участие в общественных празднествах. Они составляют важную форму выражения политической вовлеченности или, наоборот, недовольства. Так, массовые церемонии, сопровождающие приход к власти нового лидера, – это средство укрепления легитимности в условиях включения масс в политику, когда население страны символически разделяет славу и власть своего лидера.

Таким образом, политические традиции, с одной стороны, аккумулируют и сохраняют в определенной форме значимый социально-политический опыт нации, образующий конститутивную основу политической культуры, с другой – выступают механизмом осуществления передачи, воспроизводства и дальнейшего развития накопленного опыта. С содержательной точки зрения, политические традиции – это устойчивые образы политической реальности и власти, воплощенные в символах, мифах и стереотипах, а также ценностно-нормативные установки политического сознания и образцы политического поведения, которые сохраняются и воспроизводятся в ходе социально-

политических преобразований. Они являются результатом развития общества, отражая исторически выработанный и передаваемый от поколения к поколению социально-политический опыт.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 254 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
3. Гуревич П.С. Политическая психология. М.: Юнити-Дана, 2008. 543 с.
4. Елизарова О.И. Образы государства и нации в политической культуре современной России // Pro et Contra. 2002. №3. С. 92-110.
5. Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 383 с.
6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983. 284 с.
7. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985. 129 с.
8. Судаков С.С. Понятие традиции в современном американском либерализме. Калининград: изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2005. 179 с.
9. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. М.: ИЭИА, 1994. 236 с.
10. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 455 с.
11. Шестопад Е.Б. Политическая психология. М.: Аспект-Пресс, 2007. 427 с.
12. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley, 1973. 550 p.

References

1. Batalov E.Ya. *Politicheskaya kul'tura sovremennogo amerikanskogo obshchestva* [The political culture of modern American society]. Moscow: Nauka, 1990. 254 p.
2. Weber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya. Izbrannye proizvedeniya* [Basic concepts in sociology. Selected works]. Moscow: Progress, 1990. pp. 602-643.
3. Gurevich P.S. *Politicheskaya psikhologiya* [The political psychology]. Moscow: Yuniti-Dana, 2008. 543 p.
4. Elizarova O.I. *Pro et Contra* [Pro et Contra], no.3 (2002): 92-110.
5. Kol'ev A.N. *Politicheskaya mifologiya: Realizatsiya sotsial'nogo opyta* [Political mythology: the realization of social experience]. Moscow: Logos, 2003. 383 p.
6. Markaryan E.S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: Logiko-metodologicheskii analiz* [The theory of culture and contemporary science: logical and methodological analysis]. Moscow: Mysl', 1983. 284 p.
7. Osipova O.A. *Amerikanskaya sotsiologiya o traditsiyakh v stranakh Vostoka* [American sociology about traditions in the Eastern countries]. Moscow: Nauka, 1985. 129 p.
8. Sudakov S.S. *Ponyatie traditsii v sovremennom amerikanskom liberalizme* [The concept of tradition in the modern American liberalism]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ., 2005. 179 p.
9. Drobizheva L.M., Guzenkova T.S. *Tsennosti i simvolyy natsional'nogo samosoznaniya v usloviyakh izmenyayushchegosya obshchestva* [Values and symbols of the national identity in a changing society]. Moscow: IEIA, 1994. 236 p.
10. Shatskiy E. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition]. Moscow: Progress, 1990. 455 p.
11. Shestopal E.B. *Politicheskaya psikhologiya* [The political psychology]. Moscow: Aspect-Press, 2007. 427 p.

12. Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley, 1973. 550 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мамина Наталья Алексеевна, аспирант кафедры политологии и социологии политических процессов, социологический факультет

МГУ им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д.1, стр.33, г. Москва, 119991, Россия

e-mail: tusika@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mamina Natalia Alekseevna, postgraduate student of the political science and sociology of political processes department, the faculty of sociology

Lomonosov Moscow State University

1/33, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia

e-mail: tusika@rambler.ru

Рецензент:

Федоркин Николай Семенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова